

RU

«Зоной дунда ороод байха» («искусство находиться среди людей»): идеалы умственной культуры бурят

Анандаева Ц. Ц.

Аннотация. Цель исследования – продемонстрировать модель нравственно аргументированного мышления умственной культуры бурят (основанной на системе принципов, установок и идеалов). Предпринятая с помощью этой модели реконструкция мыслительных оснований «искусства находиться среди людей» позволяет выявить социальный контекст, в котором складывался и функционировал соответствующий тип мышления. Научная новизна состоит в том, что работа выполнена в междисциплинарном ключе и рассматривает народную этику в синтезе с социальной философией, когнитивной лингвистикой и этнической психологией, которые могут стать перспективными направлениями бурятской гуманистической этнологии. В результате исследования показано, что в динамике социальной жизни решающее значение имеет совершенствование моделей, которое идет в двух направлениях: в сторону построения адекватной социальной идентичности, превращающей этические значения фактов и отношений действительности в универсальный инструмент конструирования реальности (приспосабливать себя к окружению), и в сторону поиска и формирования эффективной и перспективной практической идентичности, обеспечивающей высокий уровень ориентации в самом себе и в окружающем мире (приспосабливать окружение к самому себе).

EN

“Зоной дунда ороод байха” (“Art of Being among People”): Ideals of the Buryat Intellectual Culture

Anandaeva Ts. Ts.

Abstract. The study aims to present a model of moral-based thinking of the Buryat intellectual culture (which is founded on a system of principles, attitudes and ideals). A reconstruction of the mental foundations of “art of being among people” undertaken with the help of this model makes it possible to identify the social context in which the corresponding type of thinking was formed and functioned. Scientific novelty of the study lies in the fact that the work is carried out in interdisciplinary manner and considers folk ethics in close conjunction with social philosophy, cognitive linguistics and ethnic psychology, which can become promising areas of the Buryat humanistic ethnology. As a result of the study, it is shown that improvement of models is of crucial importance in dynamics of social life; it follows two directions: towards construction of adequate social identity, which turns ethical values of facts and relations of reality into a universal tool for constructing reality (to adapt oneself to the environment) and towards search and formation of effective and promising practical identity, which provides a high level of orientation in oneself and in one’s surroundings (to adapt the environment to oneself).

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что расширяющееся в условиях цифровой и глобализационной эпохи и одновременно сужающееся в условиях динамизма и разобщения социальной жизни коммуникативное пространство повышает значимость знаний об интеллектуально-нравственном дискурсе и механизмах формирования «искусства находиться среди людей». Уровень развития умственной культуры выступает универсальным основанием культурного прогресса как отдельных народов, так и всего человечества. В истории бурят умственная культура предстает как синтез ценностей обыденного самосознания и национальных духовных традиций, выраженных в высоких практиках культуры – в философии, политике, религии, искусстве, литературе. В рамках данных традиций умственная культура бурят вырабатывает оригинальный интеллектуальный тезаурус – национальный словарь, ее обыденный и художественный лексикон. Умственная

культура бурят представлена идеями, ценностями, языком обыденного и художественного самоописания, она предъявила миру опыт интеллектуального творчества с национальной тематикой и на национальном языке, обогащая историю бурят-монгольского общества.

Социальная коммуникация – это стратегический процесс: от того, как человек преподносит себя, может зависеть его имидж, социальные окружение и статус, успех в жизни, и потому тщательный отбор языковых и поведенческих средств играет важную роль для коммуникантов. Интенциональная база интеллектуально-нравственного дискурса – это конструирование действительности, опирающееся на стандартные сценарии культурной традиции, тем очевиднее причины, по которым вопросы умственной культуры привлекают все большее число специалистов, изучающих разные грани ментальности этноса: интенциональную составляющую, психоэмоциональный фактор, лингвокультурологический и когнитивный аспекты. «Искусство находиться среди людей» является базовым конструктивным элементом интеллектуально-нравственного дискурса, через который реализуются коммуникативно-прагматические цели людей, а именно нравственное понимание, правильная самооценка и чувство меры. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть инструменты и приемы «искусства находиться среди людей» как стратегии успеха и совершенствования идентичности личности; во-вторых, проследить функционирование понятий «ум», «разум» в составе пословичного жанра, обыденной речи и выявить их иррациональную когнитивно-прагматическую основу; в-третьих, выявить связь между рациональной концептуализацией и нравственной ориентированностью ума в бурятском традиционном дискурсе. В исследовании используются следующие методы: феноменологический, который позволяет выявить и раскрыть смысловое содержание умственной культуры бурят, социально-философский, лингвокогнитивный анализ, описательно-сопоставительный анализ с учетом лингвокультурологической характеристики исследуемых соционормативных явлений. Теоретической базой исследования послужили культурологические и философские исследования, публикации отечественных авторов в области гуманистической этнологии – Б. Х. Бгажнокова [1; 2], А. Х. Хадиковой [10], в области бурятской когнитивной лингвистики – Т. Б. Тагаровой [8]. Кроме того, намеченные Л. Линховоином [7], Ж. Т. Тумуновым [9] линии исследований (скажем, «этнопедагогики»), как и вообще сплавленность изучения традиционной культуры и этики, – все это оказалось перспективным для гуманистической этнологии. Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты могут способствовать дальнейшему развитию комплексного подхода к изучению вопросов гуманистической этнологии в русле этики, культурологии, когнитивной лингвистики и этнопсихологии, социальной философии. Результаты данного исследования могут быть использованы для разработки спецкурсов, посвященных проблемам бурятской ментальности.

Нравственная ориентация ума

Надо отметить, что парные слова, состоящие из двух иноязычных компонентов «ухаан бэлиг», «оюун бэлиг» < ухаан, оюун (бур. «разум, мудрость»), бэлиг «талант, дар» (тюрк. bilig «знание, разум»), как по этимологии, так и по значению, вкладываемому в них, легко могут быть переведены как разум, умственная культура личности и общества. Так, в русских переводах принято употреблять слово «ухаан бэлиг», восходящее к слову «интеллект», бурятское слово «ухаан бодол» (аналитический ум) имеет побочный оттенок («он многое пережил», «переосмыслил»). Отсюда «ухамай» – догадливый, сметливый. Равным образом сущность разума заключается в известном значении «нрав», «ментальность»: причем мышление и взгляды разных людей должны отличаться друг от друга как стили и способы общения согласно их социальной роли. Иными словами, разум, интеллект тесно связаны с жизненным миром и духовной перспективой личности («хунэй хараа бодол» – точка зрения, мнение). В подходе к интересующему нас понятию проявляется та двойственность, которая свойственна анализу всех феноменов сознания. С одной стороны, обращаясь к рассудочной части сознания, можно сослаться на их трактовку в обычной психологии: под понятиями «ум» и «разум» психология понимает в многообразных сплетениях и взаимопроникновениях реальное единство сознания какого-либо психического индивида. С другой стороны, переживание в дескриптивно-психологическом смысле составляет не меньшую часть нашей рассудочной жизни. Подчеркивается, что различные аспекты ценностных содержаний сознания (например, различие доброго и злого, приличного и неприличного, правильного и ошибочного восприятия) не могут оставаться в стороне, ибо они указывают на нравственную ориентацию ума.

Утверждая, что грамота высоко ценится (*хурахан* – *далай*, *хураагуй* – *балай* (учение – море, неученье – тьма)) и ее вклад – нечто важное в общем уровне развития человека, народная культура вынуждена признать, что разум не сводится к грамоте: *Уншажа, уншажа, ухаа нэмээгуй* (букв.: читал, читал, но ума не набрался).

Понимая, какие трудности связаны с достижением цели вместе с неразумными, подчеркивают, что нужно учитывать возможные при этом недоразумения и двусмысленности. Иначе обстоит дело с разумными, с которыми для осуществления намеченного не нужно никаких особых действий. Дело, конечно, идет не о реальных действиях, а именно об интенциональных.

«Зоной дунда ороод байха» («Искусство находиться среди людей»)

Интеллектуальное наследие каждого этноса раскрывает сложный путь формирования смыслового пространства этнической культуры, универсализации этических ценностей и способов их выражения в языке

мысли и чувств. Именно в общении следует искать истоки интеллектуального и эстетического совершенствования человека через образование, социальные практики и воспитание гуманности. Традиционные этико-поведенческие кодексы «адыгагъэ» («адыгство»), «агъдау» и шире – народную этику «ирондзинад» (в дословном переводе – «осетинство») кавказские этнологи рассматривали как основное средство формирования нравственного сознания [1; 2; 10]. Это еще и важное условие для сохранения этнической идентичности: «Формы общения, перенятые в качестве культурного наследия, вместе со своей нравственной мотивацией могут войти в актив актуальных качеств и характеристик народа, в серьезной степени проецируя его этнический габитус» [10, с. 5]. К ряду известных традиционных этико-поведенческих систем относится бурятский кодекс «Еһо заншал», генерирующий нравственно-когнитивную силу и энергию этноса.

Само по себе различие «искусства находиться среди людей» (зоной дунда ороод байха), «искусства войти в контакт с людьми» (зонтой үгөө ойлголсохо), «искусства держать людей» или умения поддерживать (сохранять) ровные, добрые отношения (зондо үгөө дуулуулха) потребовало самостоятельных изысканий, вписывания их в контекст гуманистической этнологии. Все эти способы гармоничного существования в этом мире, умение обеспечить свое благополучие должны всегда сопровождаться концентрированием внимания на моральной сфере человеческого бытия, прямой и сознательной рефлексией. В данной связи делают одно из самых важных замечаний, касающихся критической позиции: *Зоной дунда ябахатаа, ухаагаа һайсаар бэхилэлтэй.* / Находясь среди людей, нужно тщательно контролировать свой ум. Направленность внимания не означает, что такие формы социального поведения и чувств, как хитрость, изворотливость (*мэхэ гохо*); ложь, клевета (*худал хуурмаг*); зависть, соперничество (*атаан жутөөн*), которые суть деструктивные начала мира, дезориентирующие и разобщающие людей, могут стать объектом внимания. А означает эта направленность лишь то, что какие-либо мотивы, побуждения, привычки, черты характера должны быть положены в основу – здесь именно те, благодаря которым попадающие в орбиту нашего внимания в широком смысле становятся этически значимыми, соответственно, социально надежными. *Урин һайхан ябаха ухаан бэлигэй хусэн.* / От ума – быть обходительным; *Уһан соо унабал, хуурайгаар гарахгүй, улад зондо унабал, нэрэ бүтэн гарахагүй.* / Нельзя выйти сухим из воды, согрешив, нельзя сохранить честное имя. Итак, «искусство находиться среди людей» в узком смысле предполагает партнерство, участие, неподдельный интерес как гораздо более действенные инструменты сотрудничества, подчас даже при крайнем, враждебном отношении. В широком смысле – это способ самоорганизации, который давал человеку возможность мысленно упорядочить этот мир, обрести в нем себя и найти направление собственной активности.

Социализация разумности

Как же объясняет этика, и в частности бурятская, процесс возникновения разумности? Для этого человек должен быть открыт всему новому. *Ухаатай хүн холын хараа бодолтой, тэнэг хүн үдэрэй тэн хүртээр бодолтой.* / Мысли умного человека достигают далекой перспективы, глупого человека – до полудня; *Ухаатай хүн өөдөө хараха, ухаагүй хүн уруугаа хараха.* / Умный следует по восходящей, глупый – по нисходящей; *Холье бодоһон хүбүүн сэсэн, хуушанаа хадхалан басаган сэсэн.* / Умен юноша, задумывающийся о будущем, умна девушка, штопающая старую одежду. Однако очень важно понять, чем же открытость человека всему новому стала исходной почвой возникновения разумности. Очевидно, что «находиться среди людей» уже само по себе есть проявление ума. Ведь «искусство находиться среди людей» имеет своей целью не просто прояснение характера связей и отношений с другими, но и отстаивание самого права быть представленным и признанным в их среде, тем более права служить в качестве эталона в исполнении своей социальной роли. Вознамерившись овладеть знаниями, в которых запечатлен интеллектуально-нравственный опыт многих поколений, человек неизбежно должен был отыскивать возможности формирования разумности. Контакты и встречи и есть такие возможности: *Бусалһанһаа ама хүрэхэ, бууралһаа үгэ дуулаха.* / Отведай угощения, послушай совета старца; *Ухаа һайтанһаа үгэ һура, урдын мэргэдһээ ёһо журам һура.* / У умных послушай совета, у мудрых старцев – наставления о жизни; *Хэжэ үгэхэһөө хэлэжэ үгэһэн хүниһинь дээрэ.* / Хорош не тот, кто за тебя сделал, а тот, кто подсказал, как сделать; *Олоной хэлэһые шүүжэ үзөөд мэдэ.* / Задумайся над сказанным многими.

Но знания, приобретенные в ходе контактов, – не самоцель, а путь движения к полному и глубокому освоению морального опыта. От полученных знаний следует – посредством мысленной переработки и селекции этических знаний – перейти к следующим ипостасям рефлексии: а) от наблюдения за разумным поведением к умению грамотно соотносить и оценивать факты и отношения социальной жизни; б) от анализа проблемных ситуаций к дисциплине ума; в) от любознательности к рассудительности, прозорливости и другим качествам, обеспечивающим точность нравственных оценок. Заметим, кстати, что и здесь все рассуждение строится в соответствии с логикой феноменологической редукции, что уже употребляется соответствующая частная терминология (социальный зоркий ум – «боро ухаан»).

Притом человек не просто повторяет мудрых, но, отталкиваясь от них, стремится сам распутывать сложный клубок истин, проблем и задач, олицетворяющих диалектику жизни, сочетание подлинного и наносного. Поэтому еще один структурный элемент возникновения разумности – это опыт как принцип практического личностного самосознания. *Ухаа оролго үтэлэлһэнһөө бэишэ, үзэһэн хараһанһаа юм.* / Ум не от старости, а от увиденного и услышанного; *Унаха бүрээ ухаа орохо.* / От провала к провалу становится умнее. Однако не все так просто, имеются и здесь исключения: *Үбгэртэрөө ухаа орохогүй, үлтиртэрөө шүлэ гарахагүй.* / До старости ума не наживет, переварится, но бульона не даст. Аналитическая компетенция начинает проявляться

уже в детстве, и потому первым проявлениям рассудительности у ребенка соответствует концепт *ухаансар* (смышлennyй). И наконец, образование – очень важное основание возникновения разумности. Только в соединении с образованием разумность может иметь для нас нравственное достоинство и национальную уникальность. Современное этническое состояние бурят характеризуется еще и недостаточной сохранностью важнейшего идентификационного признака – родного языка [7, с. 380]. Результат таких заимствований – отсутствие мышления на бурятском языке.

Нравственное (эмпатическое) понимание – *энэрхы сэдхэл*

В системе бурятской этики существует понятие «чистой души» / «белой души» – *энэрхы сэдхэл* / *сагаан сэдьхэл* как отображение чистоты помыслов человека и этически выверенных представлений о своем месте в жизни. Эта формулировка уже является коррекцией исходной сугубо рациональной психологической установки. Иными словами, делается поворот от чистой рациональной психологической установки к установке нравственной, эмпатической. Вот где, кстати, уже вводятся формулы, синтезирующие разум и чувство: «*хайниень үргэжэ, мууень даража*» (возвышая хорошее, принижая плохое), «*хамагыё ойлгожо, бухые багтаажа*» (букв.: «все понимать, все вместить», всякое провидеть, ни от чего/кого не отказываться). Так мы и получаем позицию, для которой характерно требование более точных и глубоких размышлений и которая чиста от всякого рода предубеждений и желаний, стесняющих свободное принятие позиции другого человека. О людях с ярко выраженной социальной, духовно-нравственной ориентацией ума говорят: *хайн хүн ханаагаараа* (хороший человек хорош своими помыслами); *хайн хүн нэгэ үгэтэй* (хороший человек постоянен); *хайхан хубсаһа үмдэһэнһээ, ханаагай хайхан хэрэгтэй* (чем носить добрую одежду, лучше обладать добротой души) и т.д. В противовес этому имеют в виду образ человека, не обладающего способностью нравственного и адекватного понимания: *хара ханаатай* (вредный, злонамеренный), *буруу ханаатай* (с дурным характером), *бага сага муу хайниинь илгаруулжа шададаг үгы хүн* (не обладает и малой долей понимания). На людей этого типа нельзя положиться в каком-либо серьезном деле, с ними трудно поддерживать контакт. Но, несмотря на все психологические барьеры, люди склонны к тому, чтобы не воздвигать новые, а все же использовать все возможные ресурсы, избегая при этом неприемлемых толкований. Таким образом, в бурятской этике «понимание» приобретает особый смысл, а именно способность точного определения и разграничения добра и зла, что согласуется с сочувствием, возможностью и желанием оказать помощь. Отсутствие этих качеств оценивают как серьезный недостаток умственной и нравственной культуры.

Сегодня стало более ясным, что даже этика (скажем, в ее этническом варианте), а тем более гуманистическая этнология обнаружили потребность, во-первых, в соединении анализа интенций сознания и чувств, а во-вторых, в типологизации процессов сознания. Вот почему наиболее тщательные разработки темы разумности осуществлены в рамках нравственного комплекса «Ено заншал».

Правильная самооценка и долг благоразумия

Самооценка, собственно, является синонимом социальной обязанности или долга благоразумия. Но формой этической рационализации жизненного мира каждое переживание становится, как мы видим, уже в особой – редуцированной, смоделированной – моральной рефлексии. С этой точки зрения полезно принять в расчет масштабы и пределы своих возможностей, активизировать процессы самопознания и самоконтроля. На это указывают отвечающие условиям этой задачи императивы: *Хэлэхэдээ, үгээе шалга, хэхэдээ, хэмжүүрээ шалга.* / Говоря, сверяй слово, делая, сверяй меру; *өө мөөгүйгөөр бээе абажа яба* (будь безукоризнен); *үргэ аман бү боло* (не болтай); *бү дэмырэ* (не говори чепуху); *бирагүйгөөр бү бай* (не будь слабохарактерным); *бү ехэрхэ* (не зазнавайся); *бээе һула бү таби* (не расслабляйся) и др. Правда, замечают также, дело может обстоять сложнее: *Бүдэрдэггүй морин байдаггүй.* / Конь на четырех ногах, да и то спотыкается. И тут решающее значение принадлежит такому, по видимости, психологическому понятию, как социальная зоркость (*боро ухаан*) (букв.: «серый ум», перен.: непритязательный, неприхотливый), то есть способность понять в жизненной ситуации ее суть (*оньһын олохо*). Тем не менее обращение к нему остается принципиальным именно для прояснения существующего положения дел. Именно тот, кто не обладает по природе или не развил в течение жизни этого качества ума, может быть особенно уязвимым с точки зрения упреков в неправильной самооценке и своего места в жизни, в потере бдительности и контроле над собой, в излишнем самомнении.

Показательно, что в работе «Саарһан шубуун зохоол» («Письменное назидание») хутагты Ражбы умственная культура связывается с обучением, а само мышление определяется как самооценка. В философско-этической версии Ражбы самооценка важна как особая техника мысли и чувства, выражаемая в определении своих достоинств и недостатков. Какой человек не поддается обучению? Вот его собственный ответ на этот вопрос: человек, который обладает рядом психических отличий. 1. Чванство (гордыня) – заносчивость и презрительное отношение к другим. 2. Уныние и подавленность. 3. Специально поступающий наперекор всему. 4. Легкомысленно щеголеватый. 5. Неразумный, невежественный. 6. Скверный. 7. Прокутивший свое состояние и бедствующий. Такого человека нельзя назвать обучаемым, ибо необучаемый человек с внешней оценки ограничен и беспомощен во всем, но с внутренней оценки самодостаточен и независим, и, следовательно, ему ни к чему чьи-либо наставления. С точки зрения автора, это прямое свидетельство того, что самооценка есть культурная самоорганизация личности, которая предполагает осмотрительность, внутреннюю собранность,

расчетливость. Если даже его размышления в отношении понятий ума и самооценки, как может показаться с первого взгляда, поверхностны и несправедливы, то имеются на этот счет, по крайней мере на уровне разговорного языка, тонкие и точные наблюдения: *Адаг тэнэг бээс магтаха.* / Только неумный человек сам себя хвалит; *Хүнэй муу – еhorхуу.* / Худшее из качеств – высокомерие; *Тэнэг хүн тэнгэрийнээ нэгэ аха.* / Глупец мнит себя умнее всех (букв.: глупец неба на год старше); *Тэмээн томоддоо найдаа.* / Сила есть, ума не надо (букв.: верблюд понадеялся на свою величину); *Ушар мэдэхгүй хүндэ хургаал хэлэхэдэ, ургасагүй газарта тарья хаяхантай адли.* / Непонятливого учить – все равно что сеять на неплодородных землях.

Чувство меры – «нюруу»

Поскольку интерес направлен на собственные – интенциональные – предметности сознания, анализ обстановки и должен постепенно подвести к определению своих возможностей, затем тоже развертывающихся в сложное структурное многообразие жизненных связей и отношений.

Само по себе исходное значение, приданное в анализе понятию «нюруу» (недурной, подходящий, сносный), можно считать не только моральным принципом, но и видеть в этом одно из свидетельств рассудительности, здравого смысла, чувства меры. В качестве убедительного примера, должностующего продемонстрировать неблагоприятное состояние сознания, могут быть взяты как избыток, так и недостаток того или иного качества. Главная проблема, а одновременно главное отличие чрезмерности были очерчены в народной мысли весьма решительно: *Улүү хараад, булуу химэлхэ* (букв.: ‘пожелал большего – поглотил кости’, погонишься за большим, потеряешь последнее). Правда, упомянутая чрезмерность беспокоила нарушением этически и эстетически выдержанного равновесия социальных практик, будь то «излишняя категоричность или самоуверенность, любопытство или настойчивость, одежда ярких тонов или развязная походка, громкая речь или смех» [1, с. 58], и «для ясности» была отнесена в разряд психологических непоследовательностей. Отсюда следующие выражения: *Үсөөн үгэтэ – сэсэн.* / Немногословен – умен; *Ухаа багата ута хэлтэй.* / Глупый имеет длинный язык; *Олон табые шашаха* (букв.: произносить пять и более слов, т.е. быть многословным). Рассудительность, здравый смысл как процесс часто противопоставляются мысли как спонтанному процессу (*дэмы* – необдуманно, невпопад, напрасно, зря и т.д.). Например: *дэмырхэ* – говорить вздор, *дэмы үгэ (хүүр)* – пустое слово, *дэмы хүн* – бестолковый человек. В этом случае нередко говорят: *Дэмы үгэ – дээбэри дээгүүр, үлүү үгэ – үрхэ дээгүүр.* / Пустое слово – над войлочной крышей юрты, лишнее слово – над дымником. К различению избытка и чувства меры присоединяется различие между недостатком (ущербностью) и чувством меры. Ограниченность, недалекость ума часто отождествляется с неосведомленностью, наивностью: *уһан тархи уусаһаа эдюлтэрээ мэдэхгүй* (букв.: водяная голова в неведении до тех пор, пока не съедят с крупа).

Разумность понимается как намерение оставаться самим собой, не потерять своего лица. Тогда под разумностью имеют в виду образ человека, спокойно занимающегося своим делом, исполняющего свой долг, не требуя внимания, признания, награды в противовес стремлению быть на виду, желанию любой ценой превзойти, опередить других. Помимо этого, чувство меры давало возможность придерживаться идеи срединного пути, ср.: *Зоной урда бү гара, зоной хойно бү үлэ.* / Не рвись вперед и позади не оставайся; *Хүнэй зэрэг болохо.* / Стать вровень с людьми.

Твердо пресекается нарушение правильной последовательности в ходе событий: ведь миновав достаточно строгую и именно последовательную систематику событий, люди рискуют столкнуться с реальной угрозой устоям бытия. *Бололгүй юмэһнээ буладай үзүүр хухардаг, бодолгүй ябадалһаа харгы буруутадаг.* / При неправильном обращении булатный клинок ломается, при неразумном действии отклоняется судьба. В этой связи существуют устойчивые выражения, характеризующие весьма плачевное положение дел: *тархи эдихэ* – перен. губить кого-либо; *тархья эдихэ* – губить себя (букв.: есть свою голову), *хүйхэр тархи* – буйная головушка; *тархидаа тарья татаха* – навлекать беду на свою голову. Поспешность, нетерпеливость, стремление опередить события также не могут не восприниматься в народном сознании без критики: *Түргэн түүхэй, удаан даамай.* / Скорый – сырой, долгий – надежный; *Яарахада даараха.* / Поспешись – в пути замерзнешь; *Мэгдэнгүй хэлэһэн мэргэн оносотой.* / Неторопливо сказанное попадает в цель.

У разумности есть и своя более общая «философия». Ее краеугольные постулаты: предметность сознания и акты, ее конституирующие, своевременны и специфичны. Волнующие человека проблемы разумности, мудрости, времени, взаимоотношений людей отражены в цикле пословиц: *Саг сагаараа, сахилза хүхөөрөө.* / Всеу свое время, ирис прекрасен своей синевою; *Эрьежэ ерэхэ ээлжээн, халажа ерэхэ харюу гэжэ байха.* / Все имеет свою очередь, все имеет свой ответ; *Могойн эрэн – газаагаа, хүнэй эрэн – зосоогоо* (букв.: ‘змеи пестрота снаружи, человека пестрота внутри’, у человека всё плохое внутри).

Антитеза разумности и неразумности

В бурятском языке есть целая гамма различий разума, а именно в лингвистическом направлении (позитивные и негативные коннотации), в антропологическом направлении (позитивные и негативные стереотипы человека), в аксиологическом направлении (коммуникативная компетенция).

Произведенные на реальном уровне тщательные и тонкие, притом вполне оригинальные различия понятий «ум», «разум»: а) в лингвистическом направлении выделяются положительные значения: ум, разум – оюун ухаан; интеллект – оюун бэлиг (оюун бэлиг «разум» < оюун «разум, мудрость», бэлиг «талант, дар» (тюрк.

bilig «знание, разум»)); глубокий разум – *гүнзэги ухаан*; мудрый – *сэсэн*; острый ум – *хурса ухаан*; быстрый ум – *хурдан ухаан*. О человеке: рассудительный – *бодолтой*; толковый, смысленный – *һүбэлгэн*; дальновидный – *ухамай холо бодолтой*; сметливый, догадливый – *ухамайша*; смекалистый – *һонор* и т.д. А также отрицательные значения: плохой ум – *муу ухаан*; ум короток – *ухаагаар богони*; несообразительный, недогадливый – *ухамайгүй, ухамай бэиэ*; не хватает ума – *ухаа хурэнзгүй*; половинчатый разум – *дутуу ухаан*; кривой ум – *һарюу ухаан*; темный, необразованный – *мунхаг*; тупой, неотесанный – *мохоо*; глупый – *тэнэг*; сумасбродный, глупый – *уймар*; наивный, легкомысленный – *уймар гэнэн* и т.д.; б) в антропологическом направлении (в мировидении носителя бурятского языка) интеллектуальные качества человека типологизированы путем выделения положительной (*хара ухаан* букв. сплошной ум; *сээжэ һонор* букв. грудь острая, тонкая ‘острый ум’; *далан урьха таһа хазаха* букв. семьдесят силков перекусит и т.д.) и отрицательной (*ухаандань ухана үхэнэн* букв. в уме козел умер ‘в голове нет и проблеска мысли’; *мяхан тархи* букв.: мясная голова; *нойтон (модон) мунса* букв.: мокрая (деревянная) колотушка ≈ дубина стоеросовая – туповатый; *нэгэ бага толгой соогоо уһатай* букв.: в голове немного воды; *обогой оёор абаһан* – букв.: рода дно взявший и т.д.) оценки. В таком случае материал показывает преобладание отрицательной интеллектуальной оценки [8, с. 64]; в) в аксиологическом направлении: трезвый (зоркий) социальный разум – *боро ухаан*.

Соотношение разумных и неразумных рассматривается в народной культуре как общеэтическая закономерность. Здесь существенно прежде всего выделение разумных и неразумных и их диаметрально противоположной направленности на предмет восприятия жизни. Для понимания действий и реакций разумных и неразумных в одних и тех же условиях важны следующие разъяснения: ср.: *Тэнэг сэсэн хоер хөөрэлдэжэ шадахагүй, тэмээн ямаан хоер мүргэлдэжэ шадахагүй.* / Беседовать друг с другом не могут умный и дурак, бодаться не могут верблюд и коза; *Сэсэн – хүнэй бэеин зол, тэнэг – хүнэй бэеин шор.* / Ум – счастье человека, глупость – несчастье; *Сэсэндэ хоер шэхэн үсөөдэхэ, тэнэгтэ ганса хэлэн ололодохо.* / Умному будет мало двух ушей, глупому будет много и одного языка; *Сэсэн хүн хүнһөө һураха дуратай, тэнэг хүн хүниие һургаха дуратай.* / Умный учится у других, глупый учит других.

Неприятие неразумности заключается прежде всего в том, что она враждебна человеческому благополучию, стесняет и обременяет спокойное существование: *Тэнэг тархи хүлөө зобоохо.* / Глупая голова ногам пока не дает. При этом всегда получается так, что разумным приходится исправлять ошибки неразумных, ср.: *Ганса тэнэг газар дэлхэе хүлгүүлхэ.* / Один дурак весь свет переполошит. Итак, о несовместимости разумных и неразумных часто говорят на языке, пригодном для эмпирического, реального положения дел. Между тем жизненная реальность такова, что мало кто способен избежать контакта с неразумными. Взаимодействие с ними имеет то своеобразие, что разумные определенным образом, который можно назвать осторожной обходительностью, относятся к представляемым ситуациям. Это они делают как раз с целью освободиться от глупца, не давая повода для сближения и контактов. Говорят: *Уймар хүнтэй бү мэдэлсэ.* / С глупцом не водись. Однако эта «обходительность» или экзокоммуникация негативного свойства, поскольку в основу ее положены неприязнь и опасность того, что попадающее в орбиту внимания неразумных какое-либо дело может стать предметом дискредитации. Отсюда делаются следующие выводы: *Уймар хүнөөр тэнэридэ байнхаар, ухаатай хүнөөр тамадань дээрэ.* / букв.: Чем быть с глупым на небе, лучше быть с умным в аду; *Угсаатай тэнэгһэй ухаатай барлаг дээрэ.* / букв.: Умный слуга лучше родовитого глупца; *Уймар нухэрһөө ухаатай дайсан дээрэ.* / букв.: Лучше умный враг, чем глупый друг. Интересен еще один момент: как бы акцентируя различие «свое – чужое», полагают, что «свое», хотя и нелестное, выглядит более очевидным и ясным, чем «чужое», хотя и представительное, но не совпадающее с их собственным мировидением. *Хүнэй сэсэнһээ ойрын тэнэг дээрэ.* / букв.: Свой дурак лучше чужого умника. Или в другом варианте различия в таких отношениях могут быть поставлены в связь с активностью: *Хэбтэһэн сэсэнһээ ябаган тэнэг дээрэ.* / Деятельный дурак лучше, чем бездеятельный умный. Утверждая, что сама эта позиция уязвима, что она граничит с попустительством, пользуясь которым неразумные, но ловкие, нечистоплотные люди становятся «хозяевами жизни», вынуждены признать, что разумные остаются не у дел. Равным образом в этике бурят указывается и на то, что какие бы трудности ни происходили в жизни, поворот к лучшему вполне возможен.

Заключение

В заключение остается уточнить, что в разобранных нами аспектах «искусства находиться среди людей» анализ умственной культуры бурят еще не завершился. В области изучения умственной культуры бурят еще многое предстоит сделать; в плане научного познания исследование этнических образов и моделей мышления и поведения представляется весьма перспективным. Оказалось, что как раз благодаря интенциям умственной культуры те или иные универсальные человеческие качества обретают уникальность, становясь либо превосходимыми, либо осуждаемыми в каждом случае и для каждого этноса. Выявление иерархии ценностей и норм, их воплощение в мировоззрении, этнических идеалах, стереотипах и этике – научная задача, заслуживающая внимания.

Если основная функция умственной культуры как социальной технологии – соблюдение баланса интересов личности и общества, баланса социального и духовного опыта во имя развития общества, то и эффективность умственной культуры личности должна оцениваться по таким критериям, как адекватность задачам формирования и развития форм ценностной ориентации: нравственное (эмпатическое) понимание («энэрхы сэдьхэл»), правильная самооценка и долг благоразумия, чувство меры («ньюруу»); соответствие социальным ожиданиям; способность корректировать мировоззрение сообразно со стремительно происходящими переменами

и главное – тот эффект, который «искусство находиться среди людей» оказывает на качество жизни (например, на возможность достижения психологического комфорта). Именно соотнесение проблемы умственной культуры с идеей гармонизации отношений позволяет ставить такие вопросы.

Список источников

1. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эльфа, 1999. 96 с.
2. Бгажноков Б. Х. Основания гуманистической этнологии. М.: РУДН, 2003. 272 с.
3. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. I. А – Н. 636 с.
4. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. II. О – Я. 708 с.
5. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.
6. Гальшиев Э. Х. Зерцало мудрости. Памятник бурятской литературы нач. XX в. / вступ. ст., подг. старомонгольского текста, русский перевод и примечания к нему Ц.-А. Дугар-Нимаева. Улан-Удэ, 2006. 352 с.
7. Линховоин Л. Лодон багшын дэбтэрхээ. Изд-е 2-е, испр. и доп. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2014. 464 с.
8. Тагарова Т. Б. Оценка человека в мировидении носителя бурятского языка (на материале фразеологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 3 (11). С. 62-68.
9. Тумунов Ж. Т. Этнопедагогика агинских бурят. Чита, 1998. 162 с.
10. Хадикова А. Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин: монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 441 с.

Информация об авторах | Author information

Анандаева Цындыма Цымпиловна¹, к. филос. н.

¹ Забайкальский государственный университет, г. Чита

Anandaeva Tsyndyma Tsympilovna¹, PhD

¹ Transbaikal State University, Chita

¹ anandaevats@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.03.2021; опубликовано (published): 30.04.2021.

Ключевые слова (keywords): бурятский этнос; «искусство находиться среди людей»; ум; умственная культура; Buryat ethnic group; “art of being among people”; intellect; intellectual culture.